

УДК 821.512.161 – 31.09

ЧЕРНО-БЕЛЫЙ ОБРАЗ СТАМБУЛА ОРХАНА ПАМУКА (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «СТАМБУЛ: ГОРОД ВОСПОМИНАНИЙ»)

Посохова Е. В.

Настоящая статья посвящена исследованию истоков черно-белого образа Стамбула в автобиографическом романе Орхана Памука «Стамбул: город воспоминаний». Проанализированы факторы, повлиявшие на формирование подобного образа, и художественные средства, которые использовал автор, воплощая этот образ в тексте. Отмечено, что основным источником черно-белого видения города явилась «хюзюн», коллективная печаль Стамбула, связанная с исчезновением османской культуры.

Ключевые слова: Орхан Памук, образ, Стамбул, «хюзюн», культура, Восток и Запад.

Введение. Автобиографический роман «Стамбул: город воспоминаний», за который Орхан Памук был удостоен Нобелевской премии по литературе, посвящен родному городу романиста, Стамбулу, служившему пространством многовекового диалога культур. Проблема образа города в творчестве писателя, несомненно, является *актуальной* и заслуживает внимания исследователей. Тем не менее, ни в отечественном, ни в зарубежном литературоведении до настоящего времени не существовало работ, посвященных системному анализу стамбульского текста Орхана Памука и, в частности, романа «Стамбул: город воспоминаний», несмотря на очевидную необходимость такого исследования. На сегодняшний день автобиографический роман Орхана Памука упомянут только в одной работе, — в диссертации А.С. Сулеймановой «Постмодернизм в современном турецком романе» [5]. Однако данное исследование не затрагивает обозначенную нами проблему, фокусируясь на реконструкции жизненного пути турецкого романиста, основанной на интерпретации текста его произведения.

Вплетая в ткань повествования свои собственные воспоминания, Орхан Памук пишет, что город его детства — черно-белый, как старые фотографии и фильмы. *Целью* данной статьи является выявление истоков подобного черно-белого образа Стамбула и факторов, повлиявших на его формирование.

С черно-белым образом Стамбула тесно связаны размышления на темы упадка, запустения, исчезновения и заброшенности, которыми полон автобиографический роман Орхана Памука. Все это стало следствием падения Османской империи и способствовало возникновению эмоции особого рода — «хюзюн» (hüzün). Данное турецкое слово, дословно непереводимо на русский язык, но семантически близко таким понятиям как «печаль», «грусть», «меланхолия», «тоска» и «ностальгия».

Чтобы проникнуть в общую атмосферу романа «Стамбул: город воспоминаний» и обнаружить главный источник черно-белого видения Стамбула, необходимо понять, что собой представляет концепт «хюзюн».

Это слово происходит из арабского языка и пять раз встречается в Коране — в двух айатах как *huzn* и в трех — как *hazen*. Оно определяет чувство глубокой душевной потери, поскольку даже пророк Мухаммед назвал год смерти его жены Хатидже и дяди Эбу Талиба «сент-уль-хюзн» — годом печали [3, 122].

В исламской философии существует несколько взглядов на то, что такое печаль. В отрицательной оценке это чувство считают следствием чрезмерной привязанности к материальному миру, потери в котором неизбежны и не должны вызывать подобных эмоций.

Однако печаль рассматривают и с абсолютно другой стороны. Так, согласно суфийской традиции, это — неудовлетворенность, душевная тоска, которая протекает от невозможности быть достаточно близко к Аллаху и обогатить свою духовную жизнь. Таким образом, в исламской культуре возникает положительное отношение к печали. Отсюда же следует и убеждение, что ее отсутствие — не благо, а недостаток. Орхан Памук считает, что подобное «уважительное отношение — причина того, что стамбульцы последние два столетия так широко употребляют слово «хюзюн» в повседневной жизни и в литературе...» [3, 123]. Однако только этим невозможно объяснить, почему это ощущение укоренилось в Стамбуле и стало неотъемлемой частью жизни его обитателей. Для этого необходимо прояснить сам концепт «хюзюн», обратиться к истории Стамбула после падения Османской империи и тому, как оно отразилось на внешнем виде города.

В первую очередь отметим, что «хюзюн» — чувство не индивидуальное, а коллективное. Оно описывает состояние тоски по утраченному великому прошлому: «Это эмоция особого рода. <...> Она шире, чем индивидуальный рок и вмещает в себя историю страны, города, семьи...» [6]. Данный концепт содержит в себе идею о спокойном и достойном принятии судьбы. Так и Орхан Памук, которой в своем автобиографическом романе пытается объяснить печаль целого города, не стремится вернуть былое величие, а сознательно выбирает данность утраты, и, более того, находит в ней источник утешения и поэзии. Он пишет, что «печаль Стамбула — это и настроение его музыки, и главное понятие его поэзии, и определенный взгляд на жизнь, и состояние души, и некая субстанция, без которой Стамбул не был бы Стамбулом, — все сразу» [3, 123-124].

Крушение Османской империи оставило по себе это чувство, ведь в настоящее время мало кто помнит, что в XVI-XIX вв. большинство потоков культурных и материальных богатств проходили через Стамбул. Флобер, находившийся под впечатлением от увиденного в свое время в Стамбуле, написал, «что он уверен: через сто лет Константинополю суждено стать столицей мира» [3, 12]. Однако это предсказание сбылось «с точностью до наоборот». Когда родился Орхан Памук, город заполнили развалины, а роль Стамбула в мире была наименее значительной за все две тысячи лет его существования. Поэтому родной город всегда ассоциировался у писателя с печалью, навеянной воспоминаниями о былом величии Османской империи.

В одном из интервью Г. Шульпяков, беседуя с романистом, высказал мысль о том, что внешняя — шумная и пестрая — жизнь Стамбула прикрывает некую пустоту. Орхан Памук прокомментировал данное высказывание следующим образом: «Это ощущение пустоты, оно есть, просто пустота, возможно, не то слово. Скорее,

меланхолия, уныние, чувство поражения. Дело в том, что прошлое Османской империи было таким пышным и великим, таким великолепным, торжественным и победоносным, что по сравнению с ним настоящее выглядит совершенно убого. Отсюда ощущение потери, печали и меланхолии этого города в новое время. Болезненная реакция на любую критику» [2, 173]. Дело в том, что времена расцвета османской культуры закончились не так давно, и их следы остались в Стамбуле повсеместно источники, арки акведуков и небольшие мечети, напоминающие об оставшейся в прошлом империи.

Стамбул, в котором родился и вырос писатель, «пропитан» печалью, поэтому Орхан Памук всю свою жизнь пытался побороть ее или же, как все стамбульцы, смириться с этим чувством. Романист пишет о данном феномене следующее: «Если вы чувствуете эту печаль, если вы ощущаете ее присутствие в городских пейзажах, на улицах, в людях, то порой она становится почти видимой, куда бы вы ни посмотрели, словно легкая дымка, поднимающаяся над Босфором, когда зимним днем из-за облаков вдруг выглянет солнце» [3, 133]. Он сближает «хюзюн» с понятием печали, которое К. Леви-Стросс использует в книге «Печальные тропики» [1]. Общим знаменателем служит, конечно же, не географическое положение и не тяжелое материальное положение, ведь в Стамбуле нет такой нищеты, как в тропических городах, а отдаленность от центров западной цивилизации, непонимание европейцами существующих в этих городах отношений между людьми и некая «ненадежность» жизни. Все это создает своеобразную «культуру» печали, в которой живут миллионы людей.

Следует отметить, что отношение к руинам кардинально отличалось на Западе и в Турции. В Европе исторические здания, оставшиеся со времен рухнувших империй Запада, охраняются; горожане с гордостью демонстрируют их туристам как музейные ценности. Жители Стамбула, в свою очередь, просто живут среди «развалин», не обращая на них никакого внимания. Орхан Памук следующим образом комментирует данную ситуацию: «Этими строениями, такими же заброшенными, грязными и пыльными, как и все вокруг, невозможно гордиться, как невозможно было гордиться особняками, горевшими один за другим в годы моего детства» [3, 136-137]. Руины напоминают стамбульцам о том, что величие империи и ее культура остались в прошлом, а на смену им пришли бедность и растерянность. Пытаясь избавиться от тоски, горожане не обращают никакого внимания на исторические здания. Порой это приводит к печальным последствиям: «Потеряв всякое представление о значении слова «история», жители города растаскивают камни из городских стен, чтобы использовать их для собственных построек, или подновляют их с помощью бетона» [3, 137]. Еще один способ отделяться от воспоминаний – это построить на месте руин «современный дом». Однако уничтожение следов прошлого не приносит желаемого результата, а только усиливает присущую городу печаль.

В годы детства романиста большинство следов прошлого еще не было уничтожено застройкой многоквартирных домов. Так, лицей Ышик, где Орхан Памук учился в начальных классах, находился в особняке принца Юсуфа Иззеддин-паши, затем писатель ходил в школу, расположенную в здании, ранее принадлежавшему визирю Халилю Рифат-паше. В районе Нишанташи, где жил автор, также находился

старый особняк, который когда-то служил резиденцией великих визирей. Окна дома семейства Памук выходили в сад на проспекте Тешвикийе, где среди деревьев стоял полуразрушенный особняк Хайреттин-паши. Как и во многих других стамбульских семьях, дома у романиста не говорили об «этим погорелых и разрушенных особняках (они были связаны <...> с историями о принцах, сошедших с ума, о придворных, курящих опиум, о детях, запертых на чердаке, о дочерях султана, изменивших мужьям, об отправленных в ссылку или убитых пашах), напоминающих об упадке и падении Османской империи» [3, 46]. Тем не менее, вид обугленных руин особняков, кирпичных стен, поросших папоротником, покосившихся ступеней и разбитых стекол всегда навевал на Орхана Памука печаль о погибшей культуре. Писатель полагает, что стремление к европеизации во многом объяснялось желанием избавиться от оставшихся со времен империи вещей, напоминающих о прошлом: «Построить на месте развалин что-то новое, сильное и могучее, некий модернизированный мир, по западному образцу или нет, не получалось, так что все усилия помогали главным образом забыть прошлое» [3, 46-47].

Итак, «хюзюн» для Стамбула — это не болезнь и не беда, а выбор, сделанный по доброй воле: «Отступление перед трудностями жизни, оправдываемое суфийским уважением к печали, подается как сознательный выбор, которым можно гордиться, выбор, следствием которого и стали неудачи, нерешительность и бедность» [3, 140]. И это чувство переживают сообща все жители города. Оно становится неотъемлемой частью всех литературных произведений и черно-белых фильмов того периода, затрагивающих тему Стамбула, чьи герои обречены на поражение, поскольку печаль лишает их воли и делает невозможной счастливую любовь. Примером такого произведения служит роман А.Х. Танпынара «Спокойствие», персонажи которого, как только их отношения заходят в тупик, бродят в одиночестве по узким улицам, глядя на развалины, или отправляются к Босфору. По мнению Орхана Памука, чтобы понять историю героя и почувствовать его тоску, нужно просто смотреть на эти урбанистические пейзажи, поскольку печаль «живет» на стамбульских улицах.

Говоря о противопоставлении черного и белого цветов, определяющих видение Стамбула автором, следует отметить, что Орхан Памук предпочитает зимний город, когда вечерние сумерки опускаются рано, погружая все в полутьму. Об этом времени суток он пишет следующее: «Мне кажется, что вот сейчас ночная тьма скроет бедность жизни, улиц и вещей и все мы, укрывшиеся в своих домах, отдыхающие в своих постелях, окунемся в мир грез и фантазий, сотканных из легенд и воспоминаний о канувших в небытие величественных зданиях и оставшемся в далеком прошлом богатстве Стамбула» [3, 54]. К тому же, писатель не мог представить себе Стамбул без снега, который за зиму шел всего несколько раз и оставался лежать чуть дольше недели. Однако именно в это время город казался романисту более «красивым», поскольку снег также на время скрывал грязь и неухоженность, но главное — заставлял всех жителей испытывать чувство общности. Город и его обитатели как бы оставались оторванными от остального мира, и Орхану Памуку казалось, что именно «в снежные зимние дни Стамбул становился более пустынным и <...> похожим на тот город, каким он был когда-то, в сказочные дни своего прошлого» [3, 63].

Кроме того, страницы романа «Стамбул: город воспоминаний» украшены десятками лирических черно-белых фотографий, отражающих видение города автором и общую атмосферу стамбульской печали. Большая их часть взята из архива турецкого фотографа А. Гюлера. Орхан Памук вспоминает, что, отбирая фотографии для своей книги и изучая этот архив, он «часто сталкивался с хорошо <...> знакомыми в детстве, но с тех пор забытыми образами старого Стамбула <...> — при встрече с ними я [Орхан Памук – Е.П.] испытывал ностальгию по былым временам...» [3, 491].

Альбом А. Гюлера под названием «Потерянный Стамбул» содержит не только снимки района Бейоглу, где прошло детство романиста, но и живописные виды окраин, которые так привлекали печальных стамбульских писателей. Одна из фотографий, по мнению Орхана Памука, замечательно отражает те черно-белые сумерки, которые и делают для него Стамбул Стамбулом [3, 54]. На ней — пустынная улица на окраине города, обветшавшие бетонные и деревянные дома с решетками на окнах и двое людей, идущие домой. Больше всего на этой фотографии писателю нравится ощущение сгущающихся сумерек и атмосфера окраинной улочки Стамбула. Творчество А. Гюлера импонирует Орхану Памуку потому, что «на его черно-белых фотографиях Стамбул предстает городом, где, несмотря на все перемены, продолжают жить традиции старины, где старое и новое сливается в единой мелодии, тихо поющей о ветхости, бедности и скромности, где на пейзажах и на лицах людей лежит отпечаток одной и той же глубокой печали» [3, 343].

В своем романе Орхан Памук также использовал работы фотокорреспондента газеты «Джумхурийет» С. Гиза. Возможно, причина заключается в том, что ему, как и автору, нравились безлюдные пустые улицы и пейзажи заснеженного Стамбула. Помимо этого, на страницы произведения попали старые фотографии стамбульского журналиста Х. Шахенка и братьев Абдуллахов, владевших фотостудией в конце XIX в. Работы западных авторов также присутствуют в романе. Например, фотография Айя-Софии, сделанная в 1853 г. Д. Робертсоном [3, 297], или открытки М. Фрухтермана.

Помимо этих фотографий на формирования образа родного города романиста повлияли старые черно-белые фильмы. В 1950-60-е гг. во многих районах Стамбула можно было встретить небольшие съемочные группы, а через сорок лет, когда турецкая киноиндустрия пришла в упадок, отснятые ими киноленты стали показывать по телевидению. Они интересны тем, что запечатлели Стамбул того времени, его улицы, старые сады, ветхие особняки, многоквартирные дома и берега Босфора. Орхан Памук признается, что, просматривая эти фильмы и замечая какие-нибудь характерные детали, сохранившиеся в его памяти, он погружается в меланхолию [3, 56]. Такой деталью, к примеру, является уличная брусчатка, которая была для писателя неотъемлемой частью черно-белого образа Стамбула. В юности, когда Орхан Памук увлекался живописью, изображая улицы родного города, ему нравилось вырисовывать брусчатку — камень за камнем. Впоследствии улицы были покрыты слоем асфальта, который скрыл эту особенность старого города.

Стамбул был для писателя черно-белым еще и по причине особенного цвета старых полуразрушенных особняков, которым уделено немало внимания в романе

«Стамбул: город воспоминаний», поскольку они символизируют тот упадок и печаль, которые постигли город после крушения Османской империи. По определенным причинам, в том числе из-за бедности, их не красили. Впоследствии от возраста и воздействия природных факторов они темнели, приобретая «тоскливый, но при этом пугающе красивый» цвет [3, 57]. В детстве романист думал, что этот серый, местами с коричневым отливом, окрас был изначально присущ рядам таких домов, стоящих на окраинах. Однако в записи западных путешественников, приезжавших в Стамбул в XIX в., свидетельствуют о том, что в то время дома были окрашены в яркие цвета, что придавало городу блеск. После падения империя их старые почерневшие стены порождали особую атмосферу, которая стала для Орхана Памука неотделимой частью его видения города.

Соответствуют черно-белому образу Стамбула и нарисованные черной тушью изображения города, выполненные западными художниками, например, Ле Корбюзье (1887-1965). Романист пишет, что «укрепляет черно-белое восприятие и то, что жители оставшегося в прошлом Стамбула победных красочных времен не могли нарисовать свой город таким, каким он был на самом деле» [3, 67]. Это объясняется тем, что художники османских времен находились под влиянием персидского искусства миниатюры и изображали город плоским, как карта. К тому же они представляли Стамбул лишь как сцену, на которой проходят торжественные церемонии, поскольку их интересовало все, что было связано с султаном, а не повседневная городская жизнь. Следовательно, когда в каком-нибудь печатном издании требовалось поместить изображение Стамбула в прошлом, издатели использовали гравюры с рисунков западных путешественников, которые больше напоминали фотографии. Таким образом, «стамбульцы вынуждены были видеть прошлое своего города исключительно черно-белым. И этот взгляд как нельзя лучше соответствует печали, в которой они живут» [3, 68].

Как отмечалось ранее, Орхан Памук считал, что ночная тьма, так же как и снег, скрывала следы упадка Стамбула. Поэтому романисту нравится гравюра, сделанная в 1839 г. Томасом Алломом (1804-1872) и изображающая набережную и полулуние, спасающее от непроглядной тьмы. Вместе с тем на лик луны наползает облако, приглушая ее свет, и возникает ощущение, что где-то в этой полутьме совершается преступление. Сами стамбульцы, как и иностранные путешественники, любили истории об убитых злоумышленниках или женщинах из гарема, тела которых, как на этой гравюре, на лодке отвозили в море. По этому поводу писатель, снова обращаясь к точке зрения Другого, в данном случае носителя западной культуры, отмечает, что «взгляд путешественника-европейца на ночную темноту, как на таинственный покров, укрывающий этот загадочный город, способствующий совершению новых неприглядных деяний, похож на взгляд стамбульца, не понимающего сути плетущихся во дворцах интриг и заговоров» [3, 69]. Таким образом, ночь делает Стамбул похожим на сон или на сказку, что усиливает его черно-белую атмосферу.

Одной из главных причин черно-белого восприятия города является тот факт, что Стамбул, обладающий богатой историей, обнищал, поблек и оказался «на периферии». Стамбульцы ощущают, что по сравнению с жителями Европы, которая географически расположена совсем не далеко, они обречены на бедность и небреже-

ние. Возможно, именно поэтому современные горожане редко одеваются ярко, в противоположность своим предкам. Орхан Памук комментирует данную ситуацию следующим образом: «Ощущение поражения и утраты, постепенно проникавшее в город на протяжении последних полутора веков, оставило отпечаток бедности и обветшания на всем — от черно-белых пейзажей Стамбула до одежд его обитателей» [3, 65-66].

Романист пишет, что бродящие по улицам собачьи стаи привносили «некоторую напряженность» в его черно-белое восприятие города. Об этой особенности Стамбула писали многие западные путешественники, побывавшие в столице Османской империи в XIX в., включая Ж. Нерваля, А. Ламартина и М. Твена. Избавиться от собачьих стай пытались неоднократно. Махмуд II, уничтоживший янычарское войско, поскольку оно не хотело подчиняться реформам военной системы по западному образцу, решил покончить с бродячими собаками, но не достиг своей цели. Затем в 70-х гг. XIX в. во время правления султана Абдул-Хамида была предпринята еще одна попытка избавиться от стай: цыгане изловили всех собак и перевезли их на остров Сивриада в Мраморном море. Однако им удалось сбежать и, по выражению Орхана Памука, «триумфально» вернуться в Стамбул [3, 320]. Французы сочли это мероприятие не менее экзотическим и странным, чем сами стаи, бродящие по всему городу, а Ж.-П. Сартр многие годы спустя даже отпустил шутку по этому поводу в романе «Век разума» [4]. Эти похожие друг на друга собаки неопределенного цвета, которых до сих пор можно встретить вдали от людных проспектов, «служат напоминанием о том, что, несмотря на все усилия европеизации и модернизации, военные перевороты, <...> несмотря на устройство муниципалитетов по западному образцу и на все красноречие их руководителей, в Стамбуле могущество государственной власти отстает перед всеобщим ощущением тщетности, заброшенности и сожаления» [3, 66-67].

Подводя итог, турецкий романист пишет: «Встречающиеся тут и там разбитые источники, в которых уже несколько веков не журчит вода, <...> кипарисы, которые кажутся мне не темно-зелеными, а черными; расплзшиеся по склонам холмов старые кладбища; полуразрушенные городские стены, похожие на мощеные брусчаткой улицы, поставленные набок; <...> тусклые уличные фонари; пароходы городских линий, ходящие по Босфору; дым, поднимающийся из труб, и укрывающий город снег – вот он, мой черно-белый Стамбул» [3, 61-62]. Все это и создает ту черно-белую атмосферу Стамбула, о которой Орхан Памук пытается рассказать в своей книге.

Выводы. Таким образом, можно сделать вывод о том, что черно-белый образ города, созданный писателем, неразрывно связан со снегом, сумерками, цветом полуразрушенных особняков, русинками западных художников и черно-белыми фотографиями, которые Орхан Памук использовал, воплощая этот образ в романе, а также газетами и фильмами, запечатлевшими урбанистические пейзажи. Однако, в первую очередь, он связан с той стамбульской печалью, которая является следствием крушения Османской империи и исчезновения ее культуры и объединяет всех жителей города.

Список литературы

1. Леви-Стросс, К. Печальные тропики [Текст] / К. Леви-Стросс — М. : АСТ, 1999. — 576 с. — ISBN : 996-7172-11-2, 5-237-00160-2.
2. Памук, О. Интервью Глеба Шульпякова «В моем Стамбуле всегда идет снег» [Текст] / Г. Ю. Шульпяков // Иностранная литература. — 2004. — №3. — С.168—174.
3. Памук, О. Стамбул: Город воспоминаний [Текст] / Пер. с тур. М. Шарова, Т. Меликова. — М. : Издательство Ольги Морозовой, 2006. — 504 с. — ISBN 5-98695-018-6.
4. Сартр, Ж.-П. Век разума [Текст] / Пер. с фр. Д. Вальяно, Л. Григорьян // Дороги свободы. — М. : АСТ, 1999. — С. 15—954. — ISBN: 5-237-01994-3.
5. Сулейманова, А. С. Постмодернизм в современном турецком романе [Текст] : дис... канд. фил. наук : 10.01.03 / Сулейманова Алия Сократовна — Санкт-Петербург, 2007. — 216 с.
6. Штутина, Ю. Городские пейзажи Орхана Памука [электронный ресурс] // Lenta.ru, 02.06.2006. — Режим доступа к источнику: <http://www.lenta.ru/articles/2006/06/02/pamuk/>.

Посохова К. В. Черно-білий образ Стамбула Орхана Памука (на матеріалі роману «Стамбул: місто спогадів»)

Ця стаття присвячена вивченню джерел чорно-білого образу Стамбула в автобіографічному романі Орхана Памука «Стамбул: місто спогадів». Проаналізовано фактори, що вплинули на формування подібного образу, та художні засоби, які використовував автор, втілюючи цей образ у тексті. Відзначено, що головним джерелом чорно-білого бачення міста є «хюзюн», колективний сум Стамбула, пов'язаний із зникненням османської культури.

Ключеві слова: Орхан Памук, образ, Стамбул, «хюзюн», культура, Схід та Захід.

Posokhova E. V. Orhan Pamuk's black and white image of Istanbul (on basis of the novel 'Istanbul: memories and the city')

The present paper is dedicated to the research of the sources of Istanbul's black and white image in the Orhan Pamuk's autobiographic novel 'Istanbul: memories and the city'. The factors which influenced on such an image formation and the expressive means and stylistic devices used by the author to embody this image in the text are analyzed. It's marked that the main source of black and white image of the city is 'huzun', a joint melancholy of Istanbul, connected with the evanescence of ottoman culture.

Key word: Orhan Pamuk, image, Istanbul, 'huzun', culture, East and West.

Стаття постуила в редакцію 27.08.2009 г.